

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРА

[09.09.2008] // Митя Иванов

В научном сборнике, изданном в 2002 году государственным геральдическим ведомством к своему 275-летнему юбилею, есть список российских герольдмейстеров от времен Петра Великого до наших дней. Но список неполон; в нем есть лакуна. Та же «дыра» - и в более раннем томе энциклопедического словаря «Отечественная история». Лакуна эта приходится на грань десятилетий: конец 1750-х – начало 1760-х гг. Кто тогда возглавлял Геральдическую контору?.. Пристальное взглядывание в могильные плиты Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры позволяет частично восполнить этот пробел.

* * *

О жизни человека, что лежит под снабженной его гербом плитой с отбитым низом, вообще известно немногим более того, что написано на ней («штатской действительной советник, герольдмейстер»). До того, как занять свою последнюю в жизни должность, Дмитрий Петрович Лобков какое-то время был директором Императорской шпалерной мануфактуры. Попытки выяснить его родословную по известным источникам дадут тоже немного. Он - из

тверских дворян Лобковых; отец его, Петр Артемьевич, упоминается как стольник в первое десятилетие 18-го века, а позднее - в годы правления императрицы Анны – как тверской воевода; дед Дмитрия Лобкова, Артемий Семенович, был дьяком Приказа большой казны при царе Федоре Алексеевиче. Вот почти и все.

Куда интереснее и известнее предки женщины, которая была супругой герольдмейстера. Анна Никитична - дочь многострадальных Аграфены Петровны и Никиты Федоровича Волконских. Мать Аграфена, блистательная, но амбициозная умница своего времени, была сестрой знаменитого Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Она долгие годы находилась при курляндском дворе будущей императрицы Анны в Митаве, где отец ее был «полпредом» Петра Великого, и где она познакомилась с будущим мужем. После смерти Екатерины Первой Аграфена Петровна вошла в заговор (скорее салонный), целью которого было не допустить племянниц Петра Великого, Иоанновен, на русский престол. Арестованная в числе прочих временщиками Верховного тайного совета в 1728 году, Аграфена Волконская была сослана, а затем заключена в монастырь. Воцарение же Анны в 1730-м лишь ужесточило ее положение. Овдовевший при жизни жены Никита Федорович был превращен Анной Иоанновной в придворного шута: его приставили служить любимой собаке императрицы – суке Цитринке. Двумя другими из числа аристократов-шутов были М.А. Голицын и А.П. Апраксин, но если эти двое были так наказаны за переход в инославию, то Никита, говорят, был унижен только по причине ненависти царственной уродицы к его жене и их удачному супружеству. Аграфену в монастыре даже известили о новом «назначении» мужа. Вскоре, в 1732 году, она умерла, как пишут - «еще не старой», а через два года Анна устроила Никите новую – шутовскую – свадьбу, не забыв о том проинформировать его домашних. Только много позже Никита Волконский был освобожден от куролешенья при ней и возвращен в нормальную жизнь. Умер Никита Волконский, кажется, в том же 1740-м, что и императрица, ненадолго пережив эту бочку угрюмой мерзости, но успев получить от нее чин майора. История жизни и судьбы Аграфены и Никиты была не раз описана в историко-художественной литературе - князем М.Н. Волконским, А.Н. Сахаровым, Ю.М. Нагибиным и другими.

Если тесть ненадолго пережил свою мучительницу, то зять ненадолго же - своего благодетеля: герольдмейстер Лобков скончался, не прожив и месяца после убийства императора Петра Третьего и воцарения мужеубийцы. От чего умер герольдмейстер, проживший на этом свете всего 44 года, мы знаем еще меньше, чем об обстоятельствах цареубийства - ничего. Не больше известно и о его свершениях на посту герольдмейстера - да и могли ли они случиться за столь краткий срок? Знаем только, что на последний год жизни Лобкова пришлось два важных распоряжения Сената по расширению полномочий Герольдмейстерской конторы (или по увеличению объема ее работы; это как посмотреть): в октябре 1761-го Герольдии поручили начать составление дворянской родословной книги, а в следующем году на нее возложили подготовку и исполнение дел о производстве в чины. Герольдия ведь изначально была задумана Петром Великим как кадровое ведомство по делам дворянского сословия. Составление же гербов и подготовка их пожалований были лишь частью – хотя и важной – ее работы.

Герольдмейстер Лобков не успел воспользоваться преимуществами своего служебного положения вполне: герба, изображенного на могиле, не только не найдешь в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, но нет даже никаких документов о том, чтобы герб готовился для Высочайшего признания. Этот герб так и остался самобытным – т.е. принятым дворянином самостоятельно. Но это полностью и совершенно легитимный герб: такая самореализация собственных дворянских прав и привилегий была вполне в обычае не только того времени, но и в духе узаконений Империи. Нам неизвестна расцветка гербового щита, где сабля обременяет геральдическую перевязь, но можно догадаться, что крылья в нашлемнике – черные, как у имперского орла.

Быть может, Лобков придумал этот герб сам. Быть может - и даже наверняка - ему помогли гораздо более него сведущие в геральдике подчиненные. Так ли было или иначе, но то, что вышло в итоге – выглядит геральдически безупречно: грамотно, выразительно и лаконично. Похоже, что эта идеальность собственного герба – единственное, что успел извлечь из пребывания в своей последней должности российский герольдмейстер Дмитрий Лобков.

* * *

От автора: Цветной уличный фотоснимок для публикации получен трудом (и фотокамерой) tat-dt.

Источник: ЖЖ «Геральдический Петербург»